

Рубан А.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

Писаренко В.

– студентка IV курса англо-русского отделения филологического факультета Донбасского государственного педагогического университета

УДК 821.161.1-32.09''18''

ВОДНЫЕ МОТИВЫ В «ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА

В статье предложен анализ водных мотивов (образов) в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Водная сущность представлена в цикле на разных уровнях произведения. Авторы статьи рассматривают видимые мотивы и мотивы, скрытые в тексте или подтексте цикла, которые можно «услышать» или «увидеть» при внимательном прочтении.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, мотив, образ, метафора, эпитет.

Рубан А.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

Писаренко В.

– студентка IV курсу англо-російського відділення філологічного факультету Донбаського державного педагогічного університету

ВОДНІ МОТИВИ У «НАРИСАХ МИСЛИВЦЯ» І. С. ТУРГЕНЄВА

У статті запропоновано аналіз водних мотивів (образів) у «Нарисах мисливця» І. С. Тургенєва. Водна сутність представлена у циклі на різних рівнях твору. Авторі статті розглядають видимі мотиви та мотиви, які приховані у тексті або підтексті циклу, які можна «почути» чи «побачити» при уважному читанні.

Ключові слова: І. С. Тургенєв, мотив, образ, метафора, епітет.

Ruban A.

– Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Donbas State Teachers' Training University

Pisarenko V.

– Bachelor's Degree Programme student, Faculty of Philology, Donbas State Teachers' Training University

WATER MOTIVES IN «SKETCHES FROM A HUNTER'S ALBUM» BY IVAN TURGENEV

The article presents the analysis of water motives (images) in «Sketches from a hunter's album» by Ivan Turgenev. Water substance is represented in the cycle on different levels of the book. The authors of the article study visible motives as well as motives which are held back in the text or subtext, which can be «heard» or «seen» while reading between the lines.

Key words: Ivan Turgenev, motive, image, metaphor, epithet.

Постановка проблемы. О Тургеневе и его творчестве сказано безмерно много, но всегда остаются незамеченные подробности, частности, детали, которые составляют значимую часть тургеневской поэтики. «Записки охотника», «открывшие» мировой литературе великого психолога, лирика, знатока русского быта, до сих пор привлекают внимание критиков и литературоведов. Особого внимания заслуживает анализ образов природы.

Анализ последних публикаций. Наиболее полное и глубокое проникновение в сложный художественный мир И. С. Тургенева становится возможным во многом благодаря мотивному анализу его произведений. Долгое время в «Записках охотника» рассматривалась только тема народа, обращалось внимание на лирическое начало в произведении. Сегодня появляются работы, в которых изучаются отдельные образы и мотивы. Так в статье А. В. Форина анализируются музыкальные мотивы, которые «раскрывают эстетическую сторону произведения. ... являются одним из средств самораскрытия героев, через их использование прослеживается два подхода к изображению человека в мире: реалистический и романтический» [7, с. 49]. В работах Н. А. Воскресенской [2], У Луцянь [4], С. А. Шипицыной [8] и др. представлены мотивы смерти, образы цветов и пр. Работ, посвященных природным сущностям в «Записках охотника» И. С. Тургенева, пока нет. Цикл писателя посвящен взаимодействию и взаимовлиянию человека и природы, и проявление этой природы очень важно как для писателя, так и для понимания его мироощущения.

Цель статьи – исследовать водные мотивы (образы) «Записок охотника» И. С. Тургенева, рассмотреть их состав и поэтику.

Изложение основного материала. Г. Башляр не без оснований утверждал, что «все четыре стихии имеют своих приверженцев, или, точнее говоря, каждая из них – глубоко и материально – уже является как бы системой поэтической верности. Стремясь ее воспеть, поэты становятся приверженцами каково-нибудь излюбленного образа» [1, с. 21]. Нельзя сказать, что вода в «Записках охотника» И. С. Тургенева (да и в последующем творчестве) – господствующая стихия. Так, Ю. Лебедев отмечал, что в них писатель создавал единый образ живой поэтической России, увенчивала которую жизнеутверждающая солнечная природа [3]. Однако водная стихия в произведении довольно ярко и разнообразно представлена.

Водные мотивы (образы) можно обнаружить на различных уровнях произведения. Во-первых, это мотивы видимые, хорошо известные, используемые в прямом значении и лежащие на

поверхности текста. Их формы проявления и существования в «Записках охотника» разнообразны: это река (с прорубью, полрой водой), болото, пруд, залив, плотина, брод, мостик, родник (ключ), колодец, дождь, ростепель (снег, ручьи), лужи, роса (утренняя и вечерняя), водомоины, облака и тучи и пр. Автор отмечает, что его герои (да и он как рассказчик) попадают под дождь, ходят в баню, умываются, стирают, ловят рыбу, пьют воду, чай, квас, молоко, вино, водку, «с ног до головы обливаются горячей испариной» [5, с. 204]. Персонажи – рыболовы, бочары, повара (бабы стряпухи, кухарки), черпальщики на бумажной фабрике, целовальники.

Видимые водные сущности и предметы трактуются у Тургенева, как правило, традиционно, в рамках национально-фольклорной и литературной традиции. Водные пейзажи у писателя довольно мирные и бытовые: «у Исты один берег горный, другой луговой... Это небольшая речка вьется чрезвычайно прихотливо, ползет змеей, ни на полверсты не течет прямо, и в ином месте, с высоты крутого холма, видна верст на десять с своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракишником и гусиными стадами» [5, с. 17] («Ермолай и мельничиха»); «то были ... поемные травянистые луга, со множеством небольших лужаек, озероц, ручейков, заводей. Заросших по концам ивняком и лозами, прямо русские, русским людом любимые места, подобные тем, куда езживали богатыри наших древних былин стрелять белых лебедей и серых уток» [5, с. 276–277] («Стучит!»).

Реки тихие и спокойные, с мерным течением: «широкая река огибала ее (равнину – А. Р., В. П.) уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающая, обозначили ее течение»; «река стояла неподвижным, темным зеркалом» [5, с. 71] («Бежин луг»); «водная гладь, освещенная луною, дробится и дрожит мелкой, четкой рябью» [5, с. 275] («Стучит!»). Реки неполноводны и часто заболочены, они переходят в пруды и болота: «болотистая речка Росота ... превращалась в широкий пруд» [5, с. 59] («Льгов»); «под горой текла река и едва виднелась сквозь густую листву» [5, с. 216] («Гамлет Щигровского уезда»).

Болото представлено в цикле двояко. Во-первых, эта местность хороша для охоты: «В Орловской губернии последние леса и площадь исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст, и не перевелась еще благородная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает стрелка и собаку» [5, с. 5] («Хорь и Калиныч»). Однако в традиционном значении болото – место нечистой силы: русалок, водяных. Они-то и забирают людей только

у стоячей воды (возле пруда или болота): «русалок нет, потому что здесь место чистое, вольное. Одно – река близко» [5, с. 76] («Бежин луг»).

В таком же значении представлены и пруды. Они в «Записках охотника» всегда заброшены и не отличаются чистой водой: «овраг, кое-где превращенный в грязный пруд» [5, с. 5] («Хорь и Калиныч»); «широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому майером» [5, с. 59]; «пруд не глубок, да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины» [5, с. 62] («Льгов»); «черный, словно раскаленный пруд, с каймой из полувысохшей грязи и сбитой набок плотиной» [5, с. 171] («Певцы»). Такой же заброшенностью и негативной окраской будут отмечены пруды и в романном творчестве писателя (например, Авдюхин пруд в «Рудине»).

В национально-мифологическом значении изображены плотины, броды, мосты (мостики, мостки). Переправа с одного берега на другой всегда грозит опасностью, она зыбка и ненадежна: «овраг, на скорую руку перехваченный плотиной и превращенный в пруд» [5, с. 90] («Касьян с Красивой Мечи»); «провалившийся мост» [5, с. 219] («Гамлет Щигровского уезда»); «не весело переправляться через животрепещущие мостки,.. перебираться вброд через болотистые ручьи» [5, с. 140] («Лебедеянь»); «неладное место – речку вброд переезжать надоть» [5, с. 274] («Стучит!»). Возле таких переправ всегда поджидает опасность: «в ложбине, над ручьем, мостик... Они (разбойники – А. Р., В. П.) всегда этак ... возле мостов» [5, с. 280] («Стучит!»). Прорванная же плотина не только неприятность при переправе («Дорога адская: ручьи, снег, грязь, водомоины, а там вдруг плотину прорвало – беда!» [5, с. 33] («Уездный лекарь»)), но и «нечистое место» [5, с. 77] («Бежин луг»).

Противопоставлены в «Записках охотника» родники и колодцы. Родник – «холодная, серебристая влага» [5, с. 24] («Малиновая вода»), в нем «ключевая, святая вода» [5, с. 95] («Касьян с Красивой Мечи»). Такую воду приносят больным и умирающим («Живой труп»). У родника в жаркий день отдыхает охотник, любясь «райским» пейзажем («под самым обрывом таится источник; дубовый куст жадно раскинул над водою свои лапчатые сучья; большие серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытого мелким бархатным мхом» [5, с. 285] («Лес и степь»)), отдыхая душой и телом. К колодцу тоже ходят воды напиться («пойди за водой к колодцу, слышь пить захотелось» [5, с. 161] («Смерть»)). Однако колодцы полусгнившие и засоренные: «колодец один, да и тот никуда не годится» [5, с. 138] («Два помещика»), «воды в колодце оказалось чрезвычайно мало, и вкус

ее был нехороший» [5, с. 89] («Касьян с Красивой Мечи»). За неимением колодцев крестьяне «пьют какую-то жидкую грязцу из пруда ... но кто же назовет это отвратительное пойло водою?» [5, с. 170–171] («Певцы»), поэтому много пьют чаю, квасу, вина и водки. Пью по разным причинам и в разных ситуациях: чтобы согреться, промочить горло, в радости и в горе, от безделья и нетерпения, проявляя гостеприимство, щедрость и хвалясь богатством.

Описание рек, болот, прудов, колодцев и пр. у И. С. Тургенева во многом объясняется географическими особенностями местности: других рек нет, колодцы, действительно, плохи, а родниковая вода всегда свята, вкусна и не часто встречается.

Как природное явление вода представлена в виде дождя (летнего и осеннего, теплого и холодного, мелкого, тихого и с грозой и ветром). «Для охотника дождь – сущее бедствие»; «уже чего-чего мы не делали, чтобы от него избавиться;.. собакам чутье заливаает, ружья осекаются» [5, с. 262] («Живые мощи»). Но для природы дождь – благодать: «дождь пойдет – утки вон плещутся, да и трава сильно пахнет» [5, с. 13] («Хорь и Калиныч»); «внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце, или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось;.. то вдруг опять все кругом слегка синело;.. и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь» [5, с. 195] («Свидание»).

Двойственное чувство вызывает дождь и у человека. Нехорошо и неприятно вымокнуть под дождем: «чрезвычайно мелкий холодный дождь, который с самого утра, не хуже старой девки, неугомонно и безжалостно приставал ко мне (рассказчику – А. Р., В. П.),.. заставил меня искать где-нибудь поблизости хотя временного убежища» [5, с. 111] («Контора»). Еще хуже оказаться в дороге во время грозы: «Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели» [5, с. 125] («Бирюк»). В то же время дождь становится фоном умиротворенной бытовой картины: «Вера хлопотала за чаем; самовар затейливо шипел, словно чему-то радовался; с веселым треском ломались крендельки, ложечки звонко стучали по чашкам; канарейка, немилосердно трещавшая целый день, внезапно утихла и только изредка чирикала;.. из прозрачного облачка мимоходом падали редкие капли» [5, с. 217] («Гамлет Щигровского уезда»).

Водные мотивы тесно связаны в «Записках охотника» с

мотивом *зеркальності / отражения*. Он может быть представлен как взгляд снизу вверх, что не совсем традиционно для мотива отражения. В таком случае небо приравнивается водной глади: «Удивительное приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается *под* вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, опускаются, отвесно падают в те стеклянно ясные волны... Волшебными подводными островами тихо наплывают и тихо проходят белые круглые облака – и вот вдруг это море, этот лучезарный воздух, эти ветки и листья, облитые солнцем, – все заструится, задрожит беглым блеском, и поднимется свежее, трепещущее лепетанье, похожее на бесконечный мелкий плеск внезапно набежавшей зыби» (курсив автора – А. Р., В. П.) [5, с. 92] («Касьян с Красивой Мечи»). В других же случаях вода и водная гладь выступают в роли зеркала: «... большой серебряный таз поставят с водой, он (Овсянников – А. Р., В. П.) и смотрит на голубков» [5, с. 49] («Одноворец Овсянников»); «белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом; пруд местами, как сталь, сверкал на солнце» [5, с. 66] («Льгов»); «стальные отблески воды, изредка и шумно мерцая, обозначили ее течение;.. река стояла неподвижным, темным зеркалом» [5, с. 71] («Бежин луг»).

Еще один вариант водной сущности – слезы. Они многочисленны и многообразны: плачут в горе («глаза красны и влажны, и все лицо опухло от плача» [5, с. 86] («Касьян с Красивой Мечи») и в радости («зарыдал в три ручья» от неожиданного счастья [5, с. 229] («Чертопханов и Недопюскин»)); украдкой утирают слезы от грустных воспоминаний и неизвестности. Плачут все, но, как правило, больше плачут женщины – «у баб слезы-то некупленные. Бабы слезы – та же вода» [5, с. 86] («Касьян с Красивой Мечи»).

Перейдем к водным мотивам, скрытым в тексте или подтексте сборника, которые можно «услышать» или «увидеть» при внимательном прочтении. Мотив не может быть абстрактным, «образное представление о каком-либо явлении передается не единично, а в группе метафор, тождественных и различных, и закрепляется в мифе, как в обряде, системно» [5, с. 33]. Устойчивые метафорические образы во многом обладают у Тургенева «наводненностью». Таковыми можно считать музыкальные мотивы: «голос беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам» [5, с. 177], «полилась заунывная песня» [5, с. 179], «песнь росла, разливалась» [5, с. 181]

(«Певцы»). Пение может нести и негативную эмоцию: «... глаза красны и влажны, и все лицо опухло от плача (по умершему – А. Р., В. П.),... раздалось ее жалобное, надрывающее душу пение» [5, с. 86] («Касьян с Красивой Мечи»). Также к устойчивым метафорическим образам относится образ света в различных его коннотациях: «утренняя заря разливается кротким румянцем» [5, с. 69], «солнце мирно всплывает под узкой и длинной тучкой» [5, с. 69], «лилась отовсюду темнота» [5, с. 70], «слабо льющийся свет звезд» [5, с. 83], «солнечный свет ... падал струями» [5, с. 88], «июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет овраг, крыши...» [5, с. 171], «лучи разливались ровным. Почти водянистым светом» [5, с. 202] и др.

Иногда водность обнаруживается опосредованно, за счет достаточно большого количества метафор, эпитетов и сравнений, связанных с семантикой воды: «заливался смехом» [5, с. 13], «деревья сливаются в большие, чернеющие массы» [5, с. 14], «ночь, как грозовая туча» [5, с. 69], «начинали разливаться холодные тени» [5, с. 70], «ночь, как грозовая туча», «места окрестные, почти совсем потонувшие во мгле» [5, с. 71], «голова с пивной котел» [5, с. 73], «звезды ... тихо текли все» [5, с. 80], «жидкий ветерок» [5, с. 83], «влажные глаза» [5, с. 154], «жидкие волосы» [5, с. 134] и пр. Водная сущность представлена и через народную мудрость; все пословицы и поговорки в «Записках охотника» связаны с водой: «не мытьем так катаньем» [5, с. 48], «кто сам мелко плавает, тот и задирает» [5, с. 50], «у баб слезы-то некупленные. Бабы слезы – та же вода» [5, с. 86], «пристал, словно банный лист» [5, с. 178], «зарыдал в три ручья» [5, с. 229], «мой стакан не велик, но я пью из своего стакана» (франц. пословица) [5, с. 210].

Часто водные мотивы представлены в описаниях, где Тургенев также отмечает краски, запахи, звуки: «Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землею» [5, с. 83] («Бежин луг») и др.

Как видим, система водных мотивов и водная символика в «Записках охотника» представлены едва ли не исчерпывающим образом. Водная сущность в цикле практически не касается проявлений душевной жизни. Соответствие между жизнью природы или природными образами и психической сферой человека внешне редко обнаруживается. Стихия воды оказывается важнее для макро-, а не для микрокосмоса. Человек в «Записках...» сосуществует со всеми стихиями, но вода оказывается важнее, хотя и не ближе.

Итак, вода в «Записках охотника» И. С. Тургенева оказывается

многофункціональної. Некоторые водные мотивы легко узнаваемы в цикле, другие можно распознать при внимательном прочтении. Все они раскрывают бытовую и эстетическую сторону произведения.

Литература

1. Башляр Г. Вода и грезы : опыт о воображении материи / Г. Башляр. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
2. Воскресенская Н. А. Концепт «ум» в цикле И. С. Тургенева «Записки охотника» и его французских переводах [Электронный ресурс] / Н. А. Воскресенская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Сер. Филология. – 2013. – № 1 (2). – С. 45–50. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-um-v-tsikle-i-s-turgeneva-zapiski-ohotnika-i-ego-frantsuzskih-perevodah>
3. Лебедев Ю. В. Тургенев / Ю. В. Лебедев. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 608 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
4. Луцянь У. Образы цветов в «Записках охотника» И. С. Тургенева [Электронный ресурс] / У. Луцянь // Вестник науки и образования. – 2014. – № 2 (2). – С. 69–74. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=22913604>
5. Тургенев И. С. Записки охотника. Отцы и дети. Ил. А. Я. Ляшенко / И. С. Тургенев. – М. : Правда, 1986. – 448 с.
6. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике / И. В. Силантьев. – Новосибирск, 1999.
7. Форина А. В. Слышать звуки природы и будить собственную фантазию. Функции музыкальных мотивов в произведении И. С. Тургенева «Записки охотника» / А. В. Форина // Русская словесность в школах Украины. – 2005. – № 4. – С. 46–49.
8. Шипицына С. А. Мотив смерти в «Записках охотника» И. С. Тургенева / С. А. Шипицына, О. В. Дедюхина // Студенческая наука XXI века : материалы XI Междунар. студенч. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 1 нояб. 2016 г.) / редкол. : О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 4 (11). – С. 167–172.

Бондаренко Г.

– кандидат педагогических наук, доцент кафедры украинської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

Каширіна Ю.

– учитель російської мови та зарубіжної літератури II кваліфікаційної категорії загальноосвітньої середньої школи № 12 м. Дружківки

УДК 821.161.2-1.09''18''

ОБРАЗ РІДНОГО КРАЮ У ПОЕТИЧНІЙ ТВОРЧОСТІ МИХАЙЛА ПЕТРЕНКА

У статті порушено актуальні проблеми людини і природи в поетичній творчості Михайла Петренка. Природа рідного краю в поезіях М. Петренка постає як естетична цінність, важливий компонент духовної культури суспільства, могутній засіб цілісного духовного розвитку особистості.

Вірші поета мають таку велику силу, бо сповнені щирої любові до рідної